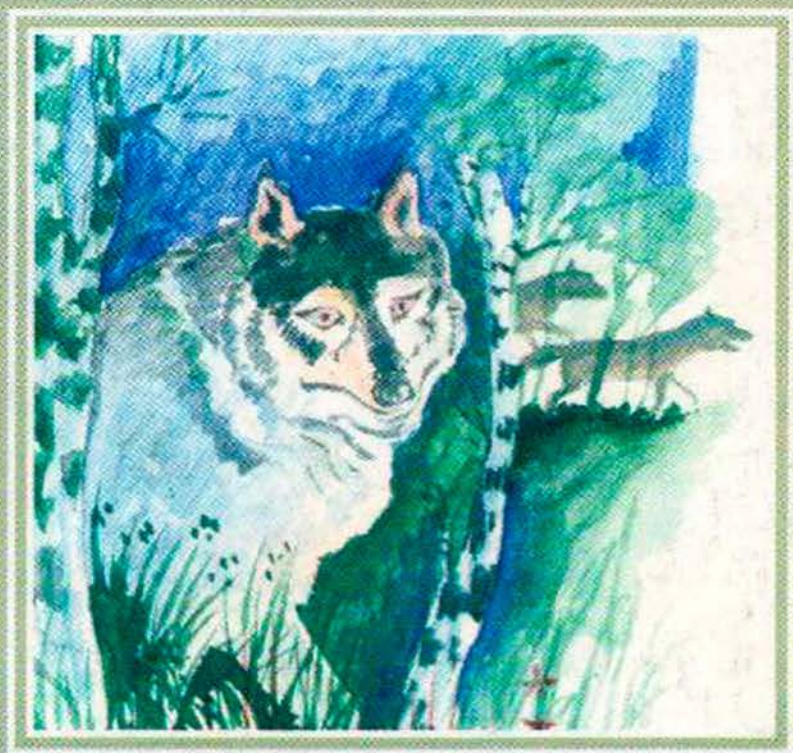

84,5023
А50

БИБЛИОТЕКА
КАЗАХСКОЙ
ПРОЗЫ

Такен
АЛИМКУЛОВ

Черногривая
волчица

Такен
АЛИМКУЛОВ
Черногривая
ВОЛЧИЦА

Рассказы

Переводы *М. Симашко, М. Ивановой*

ББК 84 Каз 7-44

А 50

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ,

ИНФОРМАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Алимкулов Такен. А 50 Черногровая волчица. Рассказы.
Перевод с казахского. Астана: Аударма, 2003. — 64 стр.

ISBN 9965-18-068-7

Два рассказа Такена Алимкулова, вошедшие в этот сборник, объединяет одна тема: меловек и природа. Это извечное противостояние можно толковать по-разному. Глубоко-философски, поднимаясь до масштабных обобщений, или "приземленно", сосредотачиваясь на реальных событиях. Такен Алимкулов мастерски соединяет эти платы, наделяя окружающий нас мир энергией сопротивления, извечным стремлением к свободе, и потому победа охотника нередко оборачивается его поражением.

4702250201-72

00(05)-03

ББК 84 Каз 7_44

ISBN 9965-18-068-7

© Издательство "Аударма", 2003
© Общественное объединение художников-книжных графиков
Казахстана, К. Бекенов

ЧЕРНОГРИВАЯ ВОЛЧИЦА

Эти древние горы на сотни километров тянутся с востока на запад, рассекая необъятную степь и меняя свои очертания. Они где-то походят на богатыря с копьем, где-то — на женщину во главе каравана, где-то — на осевшего верблюда. И названия здешних мест соответствуют их виду.

Но есть здесь одна гора, которая называется Болек, то есть "Отдельная". Она стоит в стороне от горных гряд и цепей, как бы оправдывая свое название. И дороги обходят ее, уступая место узким тропинкам, по которым хаживают звери да воры, которых, правда, сейчас почти нет.

В нынешнем году ранней весной два волка поселились в этом диком уголке много видевших и много переживших древних гор. Раньше волки водились лишь у подножия больших гор, от которых отделилась Болек. Там они обитали в дикой каменистой местности, куда не ступала человеческая нога.

Дожили они до старости благодаря своей смекалке и хитрости, ибо, подобно опытным вора́м, не трогали соседние аулы, а совершали набеги лишь на аулы дальние, да и

то только тогда, когда те откочевывали с насиженного места. Поблизости поэтому не было людей обозленных, жаждущих их затравить. Кое кто, даже зная, что совсем недалеко живут два зубастых волка, полушутя говаривал: "Пусть эти двое непутевых поживают себе на здоровье!" После того, как был установлен запрет на истребление волков, их и вовсе оставили в покое. Волчье житье-бытье нарушилось неожиданно. Ранней весной, когда полностью растаял снег, появились какие-то люди на групповых машинах и стали взрывать волчьи жилища. Полетели в воздух пудовые камни, гул и треск огласили долину, горела земля. Зрелище для здешних зверей непривычное и страшное. И они разбежались в разные стороны, оставив на произвол судьбы одних лишь зайцев с их выводками.

Двое волков, никогда не разлучавшихся, бежали к Болек.

Волчица, которая еще не оценилась, с тяжелым животом шла сзади, а волк — впереди. Он опережал волчицу, оглядывая окрестности с холмов и бугров, дожидаясь ее и шел все дальше и дальше.

Они прощались с насиженными местами, и это особенно переживала волчица. Она вырастила много волчат, которые разбежались по свету. Перед разлукой она кусала их шею, била лапой, делая все это для того, чтобы

они росли такими же злыми, бесстрашными и хитрыми, как она сама.

Когда звери дошли до заветного места, они, недолго посоветовавшись на волчьем языке, облюбовали пещеру, расположенную почти на вершине горы против крутого утеса. Пещеру окружала рыхлая порода желто-коричневого цвета. Это была жоса¹, из которой извлекается натуральная краска для остова юрты, но волкам до этого не было дела...

Так и поселились здесь, в лоне заброшенной дикой Болек, два волка. Пока волчица не ощенилась, волку было трудно. Он еле-еле добывал для них обоим пищу. Но потом, когда подруга оправилась, им стало полегче. Вдвоем, а иногда и порознь, уходили они далеко в степь и почти всегда возвращались с добычей. Это были все мелкие звери и подраненные птицы.

Время шло незаметно. Наступило лето. Никто не нарушал их покоя, и только изредка беркут парил над ними и садился на крутой утес по ту сторону оврага, прямо напротив пещеры. Его птенцы были еще в гнезде, и он тоже добывал себе пищу вдалеке, не трогая своих новых соседей. Тихо было здесь всегда, и только кукушки дважды в день по нескольку раз выкликали свое имя: "Ку-кек, Кукек".

¹ж о с а — камень-краска.

По мере того, как нолки обжились и окрепли, они забыли про зимние и весенние неурядицы и стали тосковать по былому, по удали и раздолю. Порою от скуки волки принимались выть. Но звериное чутье говорило им, что так будет лучше. И они дождались ответа. Однажды к ним пришел молодой волк. Несмотря на свой возраст, он был худой и невзрачный, походил скорее на домашнюю лисицу. Он встал между двумя зверями и сразу учуял, кто их предводитель. Несмело подошел молодой волк к волчице, обшохал, взмахивая жиденьким хвостом. Волчица завизжала, издала странный звук, обнюхала пришельца. Потом, пригнув голову, стала бегать по крутому оврагу наискосок. Волчица была из той породы, которую здешние люди называют "инсокты", то есть привязанная к логову. Такие волки проводят большую часть времени в норе, под землей. Жилистая и крепкая, она отличалась от других. Это видно было и по повадке, и по цвету ее неизмятой, слегка лоснящейся шерсти...

С этого дня она круто изменилась. Привыкшая властвовать над самцом, она дала себе волю, зло лаяла и кусала его, растопырив лапы. Это было время, когда щенки ее превращались в волчат, когда им нужна была хорошая жирная пища, чтобы они вышли из норы и увидели приволье.

И вдвоем они ушли на охоту.

Долго шли в сторону джайляу, пока не остановились у большого колючего куста шенгеля. Куст этот был им знаком давно. Он рос в безлюдной долине, и редкие путники, считая его святым, завязывали на его ветках тряпочки. Но до этого волкам дела не было. Они когда-то облюбовали его как место свиданий и просто как приметное место. Тот, кто первым побывал у куста, мочился на него, оставляя свой след и давая знать напарнику, что все в походе удачно.

Они долго пробыли у куста. Сначала просто играли, потом постепенно разозлились, кусали друг друга, били по лопаткам, и это было напутствием друг другу перед разлукой.

Волчица была голодная и злая. Она пошла прямо на джайляу, а волк повернул по звериному наитию в степь.

Волчице опасно было выходить на джайляу. Здесь не было зубчатых гор, бугров, оврагов. Она пошла по узкому хребту, чтобы все видеть вокруг, но самой быть незаметной.

На самой кромке хребта волчица остановилась и, прячась, за одинокий курай, у которого даже веток не было жадно смотрела на мирные аулы. В это время трава еще не затоптана, и поэтому скот, особенно молодняк, пасется поблизости от людского жилища.

Не желая рисковать, она вернулась обратно. Пошла наискосок, и где-то посередине дороги, увиден стаю пререпелок у подножия Дегиреза, поднялась на каменистый крутой холм. Там она споткнулась на орлиное гнездо. Вокруг гнезда были рассыпаны мелкие черепашьи кости. Настоящий орел приносит для своих птенцов больших черепах, а слабый орел не может удержать их в когтях и поэтому довольствуется мелкими черепахами. Такой орел не способен на месть. Волчипа все это поняла и набросилась на гнездо. Маленькие орлята, будь они постарше и попородистей, успели бы улететь, но из-за слепоты и слабости ждали своей участи спокойно. Закричали они лишь тогда, когда хищный зверь, роняя слюну, стал грызть им головы. Орлята беспомощно, растерянно взмахивали неокрепшими крыльями, сквозь которые виднелись красные лопатки, и пищали, пищали...

Вечером старый волк не вернулся в пещеру. На следующее утро волчица отправилась на поиски. Первый привал она сделала у знакомого шенгеля. Признаков посещения волка не было.

Волчица пошла в степь.

Жил один старый охотник в этих краях. В последние годы он перестал заниматься охотой, поскольку звери были почти поголовно истреблены, да и на охоту надо было брать разрешение в райцентре, куда он ленился ходить. Охоту он заменил другим промыслом, более спокойным и выгодным: изготовлял остовы для юрт, столь необходимые для кочующих скотоводов. Его изделия ценились выше, чем изделия промкомбината, поскольку он лучше разбирался в дереве и хорошо знал это древнее искусство. Старик недурно делал всякую утварь, предметы домашнего обихода — все, за исключением седел. Последних он не делал назло всадникам, кстати, ни в чем не повинным. Когда-то, еще в старое время, его единственную лошадь забрали для армии, и он винил в этом свое седло. "Не ездил я верхом, не приглянулась бы моя лошадь начальству", — думал он. Свое седло, которое стоило целого барана, а то и бычка, он спрятал подальше от глаз.

Странным было имя его "Бугыбай", "бугы" — это "олень". В этих краях оленей нет и в помине, а есть лишь архары да волки. Почему Бугыбай? Неужели он родился где-нибудь в высокогорном урочище Алатау? Большие горы отсюда далеко, и здешние кочевники имеют о них весьма туманное представление.

В один из летних дней старик сел на верблюда и отправился в путь. В ауле в этот день готовился той.

— Ты что, оставляешь меня на посмешище друзьям и недругам?— сказала ему жена,— Кто же едет на охоту, когда справляется той?!

— Я что, на верблюде буду участвовать в козлодрании?!¹ — ответил он. — Лучше поеду за жосой в горы. А го краски, купленные в комбинате, улечиваются, как гвоздика!

Не успел он отъехать от аула, как встретил группу всадников. Один из них вел в поводу темно-серого трехлетку: "Видать, везешь подарок на той!"— решил про себя старый Бугыбай и отвернулся.

Бугыбай ехал долго, пока не поравнялся с холмом Дегирез, где свернул направо. Тут он увидел след машин, проложивших дорогу на крутой черный холм. "Что за времена? — удивился он. — Раньше мы объезжали этот холм на конях, а теперь тут уже машины ходят. Ну-ка, и я на верблюде въеду на вершину, словно на сказочную гору!"

Спустившись с холма, он попал на поляну, поросшую чиём. Когда-то женщины в это время года, а быггь может, и чуть позже, рвали чий и делали из него покрытие для юрт. Теперь же здесь было пустынно. Зная это, Бугыбай решил ехать дальше и вдруг увидел

¹ Козлодрание (кокпар) — национальная игра.

полка, попавшего в капкан. Хищник лежал на откосе, еле ворочаясь, с окровавленными задними ногами, а около него стояла невредимая волчица.

Бугыбай пожалел, что не захватил с собой старую берданку, которая когда-то без промаха била по волкам. Он взмахнул длинной плетью, рассекая воздух. Верблюд возбужденно заорал, и Бугыбай начал кричать вместе с ним. Волчица убежала, а волка он затравил. У волка глаза были злые, кровавые, и передние ноги целые и невредимые. Яснее ясного, он бросится на любого противника. Бугыбай не надеялся на свою мотыгу и кинжал и убил хищника камнями, не слишком приближаясь к нему. Зверь рычал и визжал, ослабевая с каждым ударом. В последнее мгновение он, подняв голову, сделал отчаянный прыжок и покатился вниз. Когда Бугыбай подошел к нему вплотную, живот хищника еще еле-еле подрагивал.

Неожиданная находка заставила охотника вернуться обратно. Он хотел похвастать перед соседями тем, что, мол, есть еще у него порох в пороховницах. Кроме того, старик остерегался человека, который поставил капкан. Он знал, что по обычаю охотников доставленная в аул добыча не подлежит возврату.

Бугыбай не подумал о том, что этим капканом, судя по тому, что он поставлен сре-

ди чия, охотник ловил лисиц, а не волков, которые обычно мочатся у крупных кустов и перепрыгивают через ловушки. Но случай есть случай. Видимо, этот волк сам искал лисиц, не подкарауливая их с возвышенности, и вот стал жертвой собственной алчности. "Как бы там ни было, охота лучше, чем ремесло у й ш и д у м а л Бугыбай. — Чего стоят степное раздолье, погоня и стрельба по зверю, топот коней и крики всадников!" Но лошади-то у него, Бугыбая, нет. Значит, отныне ему суждено в лучшем случае тоже ставить капканы и ждать милостыни от самих зверей. Он вспомнил двустишие, которым акын осмеял охотника с капканом:

Ты просишь милостышо у земли,
Размер которой с ладонь.

Бугыбай улыбнулся. Нет, конечно, он не будет ставить капкан, тот самый капкан, в который иногда попадают неловкие джигиты и лежат до прихода его владельца. Одно- го он не понимал, что капкан есть капкан, сила цепкая, темная и глухая, и что этот капкан опасен для всех, кто зарится на легкую добычу, включая и самого Бугыбая...

' У й ш и — изготовитель юрт.

Когда он вернулся в свой аул, пиршество было в самом разгаре. Разгулявшиеся джигиты устроили кокпар. Женщины шипали себе лица¹, удивляясь: "Дожили мы и до волчьего кокпара!"

Джигиты давно просили у управляющего разрешения на козлодранье, но тот отнекивался, боясь последствий безумной игры. Теперь он был уже не в силах бороться со стихией и сам исподтишка наслаждался диким зрелищем. Не ожидавший этого, Бугыбай смотрел, как мертвый волк перелетает с седла на седло вместо козла. Но потом он утешил себя тем, что шкура у старого волка не очень добротная, а шерсть недостаточно густая.

Ночью ему долго не спалось, все мерещилась волчья шкура, так некстати разорванная на пиру у чужого человека. Теперь он жалел, что лишился бостека — подседельника из звериной шкуры. "Да, труд охотника неблагодарный,— решил он,— займусь уж лучше ремеслом уйши".

Рано утром он отправился в путь-дорогу. Верблюдица, чей верблюжонок остался в ауле на привязи, шла нехотя, Бугыбай время от времени хлестал ее плетью, и она жалобно вздыхала.

Традиционный жест удивления.

Он доехал до Болек к обеду и, привязав верблюдицу к кусту, поднялся на гору. Долго карабкался по путаным звериным тропкам, едва удерживаясь на плоских камнях. Когда добрался до жосы, то и вовсе выбился из сил. Но тут, у входа в пещеру, он увидел вдруг серые волосинки. "Волчата!" — подумал он и вспомнил легенду об этой пещере. В ней говорилось, будто бы в глубине пещеры лежит чудовище-удав и что доносящийся изнутри гул происходит от дыхания этого чудовища. Бытовала легенда о том, что в пещере спрятано сокровище.

Бугыбай никак не мог допустить, что в этой таинственной пещере ныне обитают волки. Все еще сомневаясь, он наклонил голову и учуял приторно-гнилой запах. Тогда он зажег газету спичкой и увидел темные волчьи нечистоты. Со всего размаха Бугыбай бросил камень внутрь, и камень, ударяясь поочередно о бока пещеры и подпрыгивая, укатился далеко, оставляя зычный протяжный звук. "Какой опытный волк! — восхитился Бугыбай. — Своих щенков спрятал вон куда, а воздух к ним поступает с другой стороны через щели в утесе". Он закричал что было сил: "Ей, волчата, выходите сюда... Ну-ка, живо!" Голос отозвался лишь слабым эхом.

Бугыбай решил задымить волчью нору. Он нарвал тобылги, сухого пырея, с большим

трудом собрал ветки кзылшы, едкая пыль которой примешивается в насыбай¹. Горький, ядовитый дым нужен был для того, чтобы вытравить волчат из норы. Старый охотник знал свое дело. Дым разведенного костра сам втягивался в пещеру, и скоро стало слышно, как там запищали, заскулили щенки. Они издавали жалобные, страшные звуки, беспорядочно метались во тьме, били друг друга лапами, кусали, выбрасывая один другого на волю. Бугыбай поочередно ловил их и клал в большой квадратный прорезиненный мешок, предназначавшийся для жосы. Щенки теперь визжали тонко, как поросята.

Завязывая узелок мешка, Бугыбай сказал: "Я ждал большего, а вас оказалось всего три штуки. Значит, вы от очень породистого волка!" Он знал, что львица приносит только одного львенка, а какая-нибудь кошка целых семь котят. Непородистая волчица имеет от шести до десяти щенков. У такой волчицы, утверждают знатоки, кровь собачья и лисья. Совсем мало щенков у красно-белой волчицы, но ее нынче уже не встретишь.

Он думал о том, что шкура красно-белого волка стоит вдвое дороже, чем шкура серого волка. И тут же старый охотник принял

¹ Насыбай — табачная смесь, которая закладывается за губу.

неожиданное решение. Он решил отпустить на волю волчат с тем, чтобы потом, к зиме, снять с них шкуру. Но волчата, конечно, разбегутся куда глаза глядят. Поэтому он вырезал ножом им зрачки и бросил волчат обратно в пещеру. Страшно, жалобно кричали и пищали они, а в пещеру покатались, как колобки...

С собой он взял только одного щенка, подрезав ему заднюю ногу. "Будешь забавой для моего сыночка!" — сказал он, как всегда, вслух.

Лишь немного скупой волчьей крови ос-талось на камнях.

Когда солнце встало над скалой, в полдень по привычке вернулась волчица. Она увидела на полянке привязанную верблюдицу. Когда-то в безлюдной степи она вплотную подходила к пасущемуся верблюду, играла с ним, щекотала ему ноги, заставляла его садиться, а потом впрыгивала на него и жадно грызла его горб, мягкий и сочный. Но сейчас, учуяв, что верблюдицу привязал человек, опасный для волчат, она поспешила к своей норе. Свернув направо, она быстро поднялась по узкому ущелью и все увидела...

Бугыбай хорошо рассмотрел ее. Она была огромная, серая, с черной гривой. Хребет ее походил на расставленный длинный капкан. Волчица что-то выплонула и резко подалась вперед. Увидев человека с ножом, моменталь-

но отступила. Потом стала подбегать издали, кругами, слабо и зло визжала. Услышав крики волчат, она остервенела, дыбом встала ее черная грива. Передними лапами волчица рыла землю и лаяла, как собака.

Бугыбай не отрывал своих глаз от глаз волчицы, которые, как ему казалось, искрились и наливались кровью. "Ты же не тигр!" — сказал он громко и начал размахивать ножом. Нож этот был подарен ему земляком-"фронтовиком" и сейчас блестел под лучами летнего солнца. Его черная рукоятка, как преступление, скрывалась в жилистых пальцах охотника.

Спускаться Бугыбаю было еще труднее. Он впервые понял, что спуск опаснее, чем подъем. Спотыкаясь, он спустил мешок вниз. Мешок дважды цеплялся за кусты. Уже на поляне он закричал на верблюда: "Ну-ка, опускайся!"

* * *

Волчица долго преследовала охотника. Идя мимо черного холма, она вспомнила попавшего в капкан самца и обозлилась на него за то, что у того не хватило смелости отгрызть себе лапы, как полагается настоя- щему хищнику.

Злая волчица нападает только на женщину или на подростка, и за Бугыбаем она шла просто по зову крови, из-за слепого чувства

к своему щенку, попавшему в беду. Когда показался аул, она остановилась. Потом побежала по небольшому оврагу на бугорок, откуда стала глядеть на своего обидчика. Доехав до аула, Бугыбай вытащил волчонка из мешка и, хвастаясь перед аульчанами, бросил его на землю рядом с верблюжонком, стоявшим на привязи.

Волчица приглушенно завывала, дыбом встала ее черная грива, а глаза густо налились кровью. Так она стояла бы долго, до наступления темноты, но откуда-то появились всадники и пустили своих коней вскачь прямо на бугорок. Волчица зло завывала и, круто повернувшись, побежала назад. Она бежала нехотя, время от времени поворачивалась и смотрела на всадников, которые вовсе не видели ее.

Плохой волк бежит вовсю и, задыхаясь, быстро становится добычей преследователя. Более смелый волк бежит, все время оглядываясь назад, но в одну только сторону, и тоже становится добычей опытного всадника, который, заехав с другой стороны, бьет неотразимо, поскольку волк не способен поворачивать только голову. Люди, как и волки, тоже ведь бывают разные. Редко кто осмелится один на один вступить в схватку со зверем, подобным черногривой волчице.

Да, волчица бежала нехотя, но потом, убедившись, что ее никто не преследует, со-

всем сбавила ход. Теперь она шла, по привычке пригнув голову, зная, что так она не устанет и пройдет большее расстояние. Долго трусила она, высунув язык. Нутро ее ныло, в ушах шумело, и длинный ее хребет изогнулся. В безводной глухой степи она походила сейчас на бездомную собаку, проглотившую иголку, подброшенную злым человеком. Изредка пролетали над ней вороны и галдели, галдели...

Она вернулась в свое логово к вечеру. Весь запад обнимала оранжевая заря, последний луч заходящего солнца кроваво освещал волчицу. Ее шерсть под черной гривой — пепельная, бледно-серая — сейчас отливала желтоватым цветом. Все здесь быстро менялось, принимая тоскливый вид.

Волчица долго стояла у камня, окропленного кровью. Когда взошла луна, она на нее завывала. Луна, извечный враг волков, плыла медленно, как бы говоря: "Волчица, твое время проходит!" И волчица побежала в степь — по движению луны и к утру оказалась у кладбища. Она почему-то обходила могилы, обнюхивая их.

* * *

С этого дня она круто изменилась. Днем волчица пряталась в пустыне среди камней, а к вечеру совершала налет на джайляу. Она

не трогала другие аулы, только аул Бугыбая. В вечерних сумерках нападала она на стада овец, загрызая их как можно большие. Это когда-то она довольствовалась тем, что отхватывала часть курдюка у барана, а теперь грызла овец без разбора. Отара беспорядочно металась, лаяли собаки, орали пастухи, и только тогда, когда поднимался невообразимый шум, она удирала. Волчица повторяла свой набег к утру, когда люди уже крепко спали, и на этот раз причиняла еще больший ущерб.

Все лето не оставляла она в покое аул Бугыбая. Пастухи много раз брались за ружье, которое им раньше нужно было только зимою. и стреляли в вечерних сумерках, чтобы напугать волка.

Ружье у них простое, охотничье, и оно не поражает с большого расстояния — не то что винтовка, пуля которой, визжа и сверкая, пугает даже опытных хищников. Но ружье есть ружье, и волчица остерегалась, не допуская близко стрелка. А когда выстрелы учащались, угрожая явной опасностью, Черногривая уходила в пустыню. Но, усыпив бдительность людей, она возвращалась дней через десять, одиннадцать и нападала на отары с еще большим остервенением. Чабаны только хлопали себя по бедрам, выражая досаду.

Однажды за беседой о набегам Черногривой чабаны вспомнили, что волки боятся

огня. Но кто заготовит дров? Другое бы дело осенью, когда в каждой яме целые скопища сухого перекасти-поля и собрать его в кучу не стоит никакого труда. Они решили в тот вечер пойти по легкому пути, вспомнив, что волк никогда не переступает через веревку. На ночь пастухи окружили арканом стадо овец, но эта волчица перепрыгнула через пего.

Как-то однажды они собрались у чабана, боляне всех пострадавшего от хищника. Каждый толковал по-своему. Был среди них один старик, весь белый-белый, когда-то торговавший пушниной, который сказал:

— Я наслушался рассказов многих исконных охотников, которых ныне нет уже в живых. Судя по тому, что волк не боится ружейных выстрелов и переступает через аркан, он — волк породистый. А скорее всего это — волчица, мать унесенного щенка. Она будет мстить и мстить. Если вы хотите убедиться в моем предположении, то пусть Бугыбай переедет в другой аул!..

Эти слова убедили управляющего фермой.

— Буке, во всем виноваты вы, — сказал он Бугыбаю. — Вам следует затравить волчицу, ежели хотите жить вместе с нами!

В ответ Бугыбай наклонил голову к левому плечу, его густая борода коснулась воротника серого пиджака. Так он сидел некоторое время, потом положил за губу насы-

бай. Его кошачьи глаза страшно затуманились, щеки задергались.

— Я что, пешком буду травить волка?! — спросил он.

На следующий день Бугыбай сел на выделенную ему верховую лошадь, взял свою берданку и объехал окрестности. Волков он не встретил и, вспомнив поговорку: "И несчастье ведет к гулянке", поехал к Болек, к той самой пещере, с которой по существу началась вся эта история..

Пещера была пуста. У входа лежали двадохлых волчонка. Шерсть у них уже отвалилась, и в воздухе еще стоял неприятный запах. Бугыбай пожалел, что шкуры у них испорчены, и как бы в отместку за это забросал волчье логово большими камнями.

Когда он возвращался назад, его слегка согнутые плечи походили на волчьи лопатки, а густая борода напоминала отпавшую шерсть волчонка. Да и глаза его — пестрые, желто-зеленые, походили на глаза бездомного голодного пса.

Все это со стороны казалось непонятным.

Бугыбай ехал медленно, не оглядываясь, потеряв надежду увидеть волка. Он размышлял, не понимая, что, пусть он коня рысью, не думал бы ни о чем, кроме как о желании побыстрее добраться до дома. А сейчас всякие мысли лезли ему в голову. Если бы он, Бугыбай, вместо щенка напихал в мешок

краски — жосы, никакого несчастья бы не было. А теперь он — как человек, босой ногой ступивший на спящую змею.

Возвратившись в аул, он временно стал помощником пастуха. Но волк, как назло, не приходил. Потом Бугыбай с пастухом специально погнали свою отару в горы, в сторону черного холма, куда чабаны откочевывают только глубокой осенью. Они нарочно взяли с собой глупую собачонку, чтобы отара не была похожа на ловушку¹.

И расчет их оправдался. Однажды в вечерней мгле начался страшный переполох среди овец. Бугыбай сразу увидел волчицу, глядящую из-за маленького утеса, вернее, увидел два ее острых уха. Про себя Бугыбай произнес: "Да будут окровавлены твои глаза!" Это было традиционное заклинание охотника. Волк спрыгнул с утеса и бросился на стадо. Овцы, как вихрь, закрутились в кошаре, залаяла собака, но пастух молчал. Учувяв, что в этой кошаре ей грозит опасность, волчица выскочила из нее на подъем между камнями. Бугыбай выстрелил. Про такой выстрел говорят: "Или в воробья, или в ветку". Пуля пролетела над самым ухом волчицы, не на шутку напугав ее. После этого волчица и вовсе перестала появляться, а Бугыбай, отдав стадо его настоящему хозяину, вместе с ним переехал в свой аул.

Да, волчица, все лето преследовавшая Бугыбая, учуяла ловушку и больше не появлялась. Аул успокоился. Молва о мстительном волке постепенно утихла. Бугыбай, как победитель, торжествовал. Он приучил своего подросткового волчонка травить мышей — косяков, то есть "быстроногих", которые водятся в этих местах и которых гончий пес не может догнать. Волчонок бегал, чуть прихрамывая на одну лапу, и с трудом догонял мышей. Бугыбай искренне жалел, что когда-то подрезал волчонку сухожилие. Он дал ему кличку Маймак, то есть "Криволапый", что вполне соответствовало его внешнему виду и повадкам...

Бугыбай кормил Маймака мясом и молоком. Он был уверен, что с исчезновением матери Маймак превратится в гончего пса, в надежного друга бывшего охотника. На всякий случай он на ночь привязывал его у порога юрты.

Волчонок, который из дымной норы попал прямо в мешок, впервые увидел свет в ауле Бугыбая. Это обстоятельство повлияло на его поведение. Он прижился и рос, как собака. Когда собаки в вечерней мгле лаяли, он тоже лаял, но в голосе его, хриплом и приглушенном, было нечто странное, темное, тревожное, тоскливое.

И Маймак и его хозяин не знали, что черногривая волчица каждый день меняла место своего ночлега, но меняла так, чтобы ве-

чером обязательно появляться близ аула Бугыбая. Всякий раз она, услышав лай своего щенка, приходила в бешенство. Кто-то недобрый хотел, чтобы со временем он превратился в собаку, а собак она больше всего ненавидела.

В один из таких дней с наступлением сумерек она подошла к аулу Бугыбая со стороны степи. Луна еще не всходила, вечернюю тьму нарушал лишь свист ветра. Ветер дул с перевала в широкую щель между горами, то пабирал разбег, то утихал, превращаясь в затяжной тоскливый вой. Как говорит поговорка, собака отличается нюхом, а волк — слухом. И здесь до Черногривой донесся голос ее щенка. Голос был писклявый и жалобный. Волчица встрепенулась и, пригнувшись, гоже завывала. Потом вдруг она дважды повернулась на месте, ударила по земле передними лапами и побежала вперед, изменив своей повадке и слабо повизгивая.

В юртах горели керосиновые лампы. Они еле-еле виднелись во тьме. Зато хорошо было видно пламя в наружных очагах под котлами, в которых парилось молоко. Такое освещение, при котором аул не видит того, что гворится вокруг, а сам виден хорошо, по душе опытному вору. Волчица, уподобляясь такому вору, обежала аул и нашла юрту Бугыбая. Остов юрты старого охотника, привыкшего к холоду и ветру, был всегда обнажен.

Волчица подкралась к дому и сквозь щели остова увидела своего щейка. Привязанный у порога, он лакал молоко из собачьей миски. Бугыбай убаюкивал своего ребенка. Рядом с ним, полусогнувшись, сидела его жена.

Прервав укачивание, Бугыбай велел жене вынести ребенка на улицу оправиться. Ребенок, не желая того, заплакал. Бугыбай повторил свой приказ. Жена вынесла ребенка и, обходя верблюжонка, стоявшего на привязи, посадила его на землю.

В этот момент волчонок, вероятно, учуяв стоящую недалеко мать, встрепенулся и завизжал. У волчицы застучало сердце, заискрились глаза. Она стремглав бросилась на малыша обидчика, крепко схватила его и утащила в зубах. Ребенок успел только вскрикнуть, но был уже мертв от испуга.

Отбежав от аула, волчица перебросила добычу себе на спину, как ягненка, которого когда-то так запросто уносила.

В ауле всполошились. Люди высыггали на улицу. Вскочив на неоседланных лошадей, мужчины помчались в степь. Медленно всходила луна, как запоздавшая свидетельница...

* * *

На следующий день с утра люди объехали все окрестности, ровные и неровные, все

овраги, где водятся звери. Не встретив никого, кроме мышей и барсуков, они свернули в сторону Болек. Им захотелось на всякий случай заглянуть в волчью нору.

Привязав коней друг к другу на поляне, пешими поднялись к пещере. Тут они наткнулись на страшное зрелище. Между двумя волчатами лежал на спине ребенок. Тело его было невредимо, только под бровями зияли рваные раны. Все они — и волчата, и ребенок — были без глаз.

Бугыбай много слышал о том, как беркут уносит ребенка на вершину горы к своим итенцам. То же делает волк на земле. Но он не слышал, чтобы беркут или волк вернули человеческое дитя родителям. Тем не менее в глубине души его все время таилась надежда на то, что сын его чудом уцелеет. Теперь же, увидев на его лице две страшные дыры, он окаменел. Холодная дрожь прошла по телу старика, волосы встали дыбом. Потом его волосатые щеки задергались, рот искривился, и он заплакал.

Долго плакал он так, то рыдая, то всхлипывая, и слезы катились по его густой бороде...

Они вернулись в аул. Бугыбай держал поперек седла мертвого сына. Увидев ребенка с пустыми глазницами, мать вскрикнула, иотом заголосила, царапая себе лицо руками в знак траура. Она причитала долго, распутив свои длинные, черные, тронутые се-

диной волосы, а под конец стала проклипать своего мужа. Она кричала: "Ты, проклятый, заставил меня вынести ребенка на улицу!.. Ягненок мой! Он не хотел выходить на улицу, хныкал и плакал. Ой-ой! У-у!".

Пока жена проклинала его, он вспомнил странный поступок известного охотника-батыра Малкэ. Заряжая ружье, тот случайным выстрелом убил своего ребенка, игравшего у порога, и не выронил потом ни слезинки. "Неужели я хуже Малке?!"— подумал Бугыбай и заорал на жену:

— Хватит тебе, жена, голосить, а не то выколю тебе глаза и будешь сыну напарницей!

В доме наступила тишина. Ее нарушили разговоры о происшедшем. Люди говорили о волчьих нравах и повадках, об их странной породе. Кто-то сказал, что это был волк-могильщик, кто-то — что оборотень. Нашелся человек, который утверждал, что это был бешеный волк. Ему возразили, что волки бешутся глубокой зимой, в период случки. Тогда только они нападают на человека и съедают его всего, за исключением ладоней и подошв, которые считают ядовитыми. Последним заговорил тот старик, весь белый- белый, который предсказывал Бугыбаю беду.

— Неужели вы не знаете, что волк про- щает людям гибель своего щенка, но не про- щает его плена?! — сказал он. — Волки с

выколотыми глазами нападают иногда на своего обидчика, ничего не страшась. Это тоже надо бы вам знать!..

И тут только впервые пожалел Бугьбай о своем опрометчивом поступке. Но он молчал. С порога на него странными глазами смотрел волчонок...

1976 г.

ОХОТНИК И ОРЕЛ

1

Стояла глубокая осень. Уже выпал первый снег, когда Тагай решил еще раз поохотиться с Черным Вороном, беркутом, прозванным так за иссиня-черную окраску.

Он ехал по безлюдной бугристой степи, широко расстелившейся между горами и барханами. Показались солончаки. Тагай остановил коня и постучал по седлу. Приученный к подобной команде, конь стал оправляться. В этот момент охотник увидел зайца — тот выскочил из кустов — длинноногий, крупный заяц из породы ор коянов. "Такого и скакун не догонит. Будет охота!" — порадовался Тагай и пустил беркута.

Черный Ворон полетел нехотя, лениво, покружился и, прицелившись, настиг жертву. Но как! Раньше он цепко впивался крепкими когтями в голову зверя, а тут просто сел на его хребет, беспомощно размахивая рыхлыми крыльями. Заяц вдруг круто рванулся, и беркут от неожиданности неуклюже плюхнулся на землю.

Когда Тагай подъехал, Черный Ворон уже стоял на ногах, неуверенно покачиваясь, но при этом хорохорился и пыжился, как индюк.

Без добычи, уныло, Тагай возвращался домой. Всю дорогу вспоминал лихие годы Черного Ворона. Сколько затравлено было им лис и зайцев — не счесть. Ни с того ни с сего на ум пришла загадка: "Две лисы и три зайца — что бы это значило?" Немного подумав, Тагай довольно хихикнул: "Зайца не поймал, так хоть загадку разгадай!" Рассуждал он так: лиса выводит своих детенышей два раза в год, а заяц — три. Лису охотник иравит после первого снега, когда ее шкура прелиняет, зайца же — в любое время. Выходит, от трусливого зайца проку больше, чем от хитроумной лисы. И еще припомнил Тагай, что первый заячий выводок называют "паурыз кужек" — "мартовские зайчата". Зайчонок взрослеет под снегом, и охотник обнаруживает его по облачку пара над снежным покровом. Летние и осенние выводки растут, естественно, уже без снежного покрывала. Позже, глубокой осенью они ходят табунами. А тот самый "ор коян", которого не смог одолеть Черный Ворон, был из особой породы. Эти всегда ходят в одиночку, на свой страх и риск.

Но и они когда-то становились добычей Черного Ворона.

Тагай улыбнулся, вспоминая, как, бывало, подъезжал он к аулу со связкой затравленных зайцев. Детвора шумно встречала его, а он каждому пацану дарил по зайцу:

— На, похвастайся перед матерью!

Грустно стало Тагаю. "Вот и ушло от меня навсегда охотничье счастье,— думалось ему, — и бугристая степь обернулась горбатой мачехой: не приласкает, не приголубит теперь". А еще горше и тоскливее становилось от мысли, что аульчане будут шушукаться и злословить: вот, мол, каким стал бывалый щедрый охотник.

Показался аул. Защемило сердце у Тагая. И бросил он в сердцах Черного Ворона на землю: "Старый беркут годится лишь для ловли мышей!"

Дома, рассказывая жене о случившемся, охотник почувствовал угрызения совести. Не слишком ли жестоко обошелся с Черным Вороном? Ведь столько лет тот служил ему верой и правдой. Тагай пытался убедить и себя, и жену, что поступил, хоть и сурово, но разумно: какой прок от беркута, который когда-то запросто травил лису, а теперь не может осилить и зайца?

Жена Тагая сетования мужа слушала вполуха, она не знала толка в ловчих птицах. Разве что о ястребе слышала в песне. Когда выходила замуж за Тагая, аульчане подшучивали — попался ястребок в сети охотника.

— Зачем тебе беркут? Завел бы лучше ястреба! — посоветовала она мужу.

Вот ведь, подумал он, жена охотника, а любопытства к его делу меньше, чем у других женщин. О них, этих женщинах, охотник вспоминает с благодарностью. Как быстро разносили они славу об его охотничьих победах по всему аулу! А бывало и так: одарит он лисьей шкурой встречную красавицу, а она в ответ бросит на него многообещающий взгляд...

От этих воспоминаний еще больше помрачнел Тагай. Вдруг мелькнула неожиданная мысль: "А и в жениных словах иногда бывает толк! Поохочуська за орлом, да не простым, а горным!" И стало на душе у Тагая молодо и весело.

2

Всю зиму мечтал Тагай об орле. По ночам снилось ему, как скачет он по степи, зазывая его охотничьим кличем — "к-ке-ке-ке!". И просыпался с думой о красавце-орле, что живет в пещере горы Келиншектау.

Так, в грезах и мечтаниях, прошла зима. Однажды его осенило: ведь можно раздобыть птенца! Где? Конечно, в пещере горы Келиншектау!

И в один из ясных дней ранней весны он поехал в горы.

Вот и Келиншектау показалась вдали, величественная и строгая. Каждая гора, казалось всегда Тагаю, несет в себе тайну. Людям испокон веку не терпелось раскрыть ее. Они создавали легенды, поверья, заставляя говорить веками молчавшие камни.

Тагай вспомнил легенду и о Келиншектау. Когда-то, в незапамятные времена, по цепи зубчатых гор шел верблюжий караван, возглавляемый келин — невесткой. Сильно тосковала она по родине своей и от тоски превратилась в камень. Поэтому и назвали гору Келиншектау. Она и впрямь напоминает Тагаю застывшую в печали молодую прекрасную женщину.

Совсем уже близко Келиншектау. Таинственность и величавость ее постепенно исчезают, а вместе с ними и мысли о вечном. Охотничий азарт охватывает Тагаю. Где-то здесь, в ущелье, орлица высидела свои яйца, а сейчас, в начале апреля, птенцы-несмышлениши, еще не успев окрепнуть и опериться, сидят в своих теплых гнездах-колыбельках. Ради одного из них пришел к подножию горы старый охотник. Это его, уже выросшего и окрепшего, видел он в ночных снах, о нем мечтал всю зиму...

Редко кто поднимался на вершину Келиншектау. Тагай решил взобраться на нее окольным путем. Он поехал через Ковыльный перевал, где наверх шла узкая, извилистая тро-

пинка. Лошадь, выросшая в барханах, вряд ли сможет пройти по такой тропе — голова закружится, а вот привыкшая к горам — вскарабкается, как человек.

Под Тагаем был рыжий обьезженный конь. Он шел, низко опустив голову, изредка спотыкаясь. Когда конь начинал хрипеть от усталости, Тагай вел его за уздечку. А самому ему и глянуть было страшно в бездонную пропасть. И это понятно, странно другое: когда он смотрел на вершины соседних гор, у него тоже кружилась голова. Ему было невдомек, что высота кружит голову сильнее, чем глухая пропасть.

Но, как бы там ни было, Тагай добрался до вершины Келиншектау. Не слезая с коня, глядел он на гряду скал и вдруг над одной из них увидел орла, летящего с зайцем в когтях.

"Ага! — подумал Тагай. — Значит, орлиное гнездо на этой скале!" Тут ему вспомнилось предание о том, что в одной из скал Келиншектау есть чудо-пещера, где спрятан клад, оставленный китайскими завоевателями. Они отступали в суровую зиму и, чтобы добраться до этой пещеры и спрятать награбленное, забили тощих лошадей и из шкур сделали лестницу. Но никому не удалось проникнуть после в эту пещеру, ибо вход в нее охраняется могучим орлом.

Тагай не очень-то верил всяким преданиям. Но сейчас вдруг припомнил, что дед как-

то рассказывал: лунной ночью пещера как бы светится изнутри, и свет этот излучают кости зверей, затравленных орлом.

Видимо, подумал охотник, в таинственной пещере и находится гнездо, и орел защищал своих детенышей. Хоть и гюнаслышке, он знал путь к этой неизведанной пещере и верил в удачу. Значит, он на верном пути! Тагай привязал коня к кусту жимолости, из ветвей которой степняки делают свирели. Ночью в степи часто можно слышать ее про- тяжные, жалобные звуки — это конокрады подают друг другу сигналы. Люди говорят, что эти огчаянные воры не тронут в безлюдной степи охотника, напротив, поделаются с ним ужином, побеседуют и уйдут, не назвав себя.

Через некоторое время Тагай уже стоял на скале. Спуск в пещеру оказался неожиданно крутым. Надо бы привязать к поясу аркан, да его-то он и не догадался взять. "Какой я, однако, беспечный", — гюсетовал он на себя.

Но делать было нечего. Тагай решил рискнуть и сгал спускаться, цепляясь руками за кривые ветки шиповника, а ногами упираясь в острые камни.

Наконец, добравшись до пещеры, заглянул в нее сверху. Сердце его отчаянно забилося: так и есть — гнездо орла! Птенцы — их было трое,— увидев его, испуганно запищали. Тагай влез в пещеру, выбрал крапчатого

— он показался ему самым крепким и смышленным, — спрятал его в рукав шекпена и выбрался наружу. Теперь он чувствовал себя уверенно: ведь взбираться на гору менее рискованно, чем спускаться с нее. Вскоре он был уже на вершине Келиншектау.

Стоял полдень. Ярко пылало солнце. Из долин уплывал туман. С вершины Тагаю были хорошо видны и северные, и южные отроги Каратау. Он припомнил обычаи людей, населяющих эти места: южанин, прежде чем выпустить перепела на драку, долго держит его в рукаве, приучая к духоте, а потом уже идет с ним в чайхану. И северянин, тоже держит орлиного птенца в рукаве. Но есть между ними разница. В чайхане у южан делают ставки, и в результате кто-то выигрывает, а кто-то остается ни с чем. На севере же хозяин делится добычей своего питомца с каждым встречным и поперечным.

3

Крапчатый птенец, привезенный Тагаем из пещеры Келиншектау, все лето и осень держался на ногах довольно беспомощно. В такую пору орленка называют "үрпек балапан"— то есть "желторотый птенец". Через год, когда крылья его окрепнут, но не настолько, чтобы летать, его будут называть "кызыл канат" — "краснокрылый".

Пришло, наконец, время, когда молодого орла с уже затвердевшими когтями можно бьгло выпускать на травлю зверя.

И Тагай стал приучать своего питомца к охоте.

Прежде всего он придумал ему кличку Сары-шегир — Желтый Дьявол. Охотнику казалось, что она очень подходит к внешнему виду птицы, повадкам и пронзительному, прямо-таки дьявольскому крику.

Однажды Тагай поймал зайца и решил потренировать на нем Желтого Дьявола. На ногу молодого хищника он надел кожаное кольцо и через него продел тонкий шелковый шнур. Посадив зайца на расстояние этого шнура, Тагай выпустил хищника. Желтый Дьявол рванулся к зайцу и с размаха цепко схватил его. Тот едва успел издать последний крик.

Сдирая с зайца шкуру, Тагай обнаружил, что хребет его сломан. Видимо, орел схватил зайца одновременно за голову и за хвост, а потом сжал, как пружину, — хребет и сломался. Но все равно, охотник был рад за своего питомца.

— Ура! Первая победа! — воскликнул он.

Но радость оказалась преждевременной. Как-то Тагай поехал на охоту. Он был уверен, что Желтый Дьявол, имея опыт, без промаха схватит зайца, вкус которого он уже однажды узнал.

Но случилось непредвиденное. Когда он подъезжал к солончакам, где в тот злополучный день Черный Ворон не смог одолеть ор кояна, как и тогда, из-за кусгов выскочил крупный, длинноногий заяц. Не теряя ни минуты, Тагай подкинул орла. "Быть еще одной победе!"— заранее радовался он. Но орел взлетел лениво, не спеша, и, кружа словно игрушечный змей, стал уходить все выше и выше. Потом, набрав скорость, полетел в сторону Келиншектау и вскоре совсем исчез.

Всю обратную дорогу Тагай думал, почему же Желтый Дьявол так поступил? Может быть, он оказался еще недостаточно натренированным и не успел почувствовать в нем, Тагае, хозяина? Может, стосковался по родному гнезду? А может быть, разозлился на охотника, что тот надел на его ногу кольцо?

В конце концов Тагай пришел к выводу, что все дело в нем: видно, на роду у него написано быть таким невезучим.

Домой он приехал в мрачном расположении духа и обо всем, что случилось, рассказал жене.

Жена хоть и упрекнула его, но попыталась утешить: мол, всякая птица изменчива. Вот только ласточка, люди говорят, птица верная, даже на том свете оберегает грешников от адава огня, приносит воду на крыльях и опрыскивает ею страдальцев.

Тагай отмахнулся: мало ли что говорят, какое ему до этого дело? Для Тагая ласточка — не птица. Вот о сущности человека Тагай порассуждал бы. Он всегда был убежден, что человек, хоть и разумное животное, но часто бывает рабом своих страстей. Например, бай. На острове его юрты каждый день висит новая баранья голова, а он жаждет еще большего. Зачем? Хочет стать богаче, еще богаче! А в конце концов, рядясь в свои тулупы, он умирает от ожирения сердца раньше, чем охотник. Тот, как орел, долго может про- держаться и на голодном пайке.

4

Прошел год, второй, третий, и Тагай постепенно смирился со своей сиротской охотничьей долей. Видать, судьба такая. А когда в год змеи джут лишил его всей живности, он окончательно решил стать оседлым — жатаком. Через каждые двенадцать лет повторяется этот год змеи и многих казахов делает оседлыми.

За лето смастерил он из глины хижину и приставил к ней двенадцатиостовую юрту. Хижину он поставил между двух зимовок, где испокон веку обитал бедный люд, в том числе и сородичи Тагая, родственники его жены.

Всю зиму Тагай жил в полном одиночестве. В минуты тоски и скуки уходил в степь,

ставил ржавый, подаренный когда-то другом-охотником, капкан на волка. Волк, однако, ни разу не попался: Тагай, оказывается, плохо знал повадки этого зверя. Так что и на волка он оказался никудышным охотником. А тут еще кто-то распустил слух, будто Тагай, прежде чем поставить капкан, колдует над аршинной ямой. Суеверные аульчане на всякий случай сторонились его, некоторые даже перестали здороваться.

Тагай забросил и это ремесло, не очень об этом сожалея. Ему все грезилась широкая, привольная степь, по которой он гонится вместе с орлом за лисой... Слышится ему победный клекот орла...

Былая слава охотника не давала покоя. Он мечтал вернуть ее во что бы то ни стало.

Для начала решил Тагай обзавестись хозяйством, раздобыть хотя бы ютячу. Она, говорят в народе, хоть и не даст мужчине крылья, как скакун, но зато для ног — облегчение.

Все это так, но где взять деньги. Долго Тагай ломал голову, но выхода не находил. Помощи ждать неоткуда, кругом одна беднота.

И вот однажды осенила Тагая мысль: "А почему бы мне не навестить родственников моей матери? Джут их не тронул, живностью богаты, может, помогут, — подумал он. — В конце концов я ничего не теряю, кроме протертых подметок". Оии давно пе-

рекочевали с севера из-за голода, который принес джуг, и здесь, на юге, стали оседлыми. Теперь их больше кормит земля, чем скотина.

Жили родственники по ту сторону Каратау. И пошел Тагай, как говорится, за тридевять земель. Шел он дорогами, по которым когда-то кочевники гнали на базар скот. Места эти были ему хорошо знакомы, не раз прошел их вдоль и поперек.

Родственники не особенно возрадовались встрече, но и не чуждались пешего. Один из родичей даже обнял его и сказал:

— По тебе вижу, как страшен был джуг, весть о котором дошла до нас.

Как повелевает традиция, один из родственников по материнской линии пригласил Тагая в гости.

Хозяин подал на дастархан полную миску жирного плова. Тагай попробовал, и пища показалась ему недурственной. Но очень удивился, когда увидел какую-то приправу вроде морковки.

— А это что? Не илан ли? — спросил он.

Хозяин объяснил гостю, что эта приправа называется сабиз, она придает пище сладковатый вкус.

Попробовав морковку, Тагай выплюнул ее с гримасой отвращения, да еще добавил:

— Горький наш илан лучше, чем ваш сладковатый сабиз!

Подобное поведение гостя за дастархалом вызвало недоумение присутствующих, некоторые даже осудили его. Однако это не помешало им устроить сход накануне отъезда Тагая.

Сход состоялся на берегу речушки. Кругом все зеленело, тяжелыми волнами колыхалась кукуруза в поле, но особенно хороши были подсолнухи, похожие, отметил про себя Тагай, на узорчатое саукеле степной красавицы.

Такие сходы северяне тоже устраивали в подобных случаях, только не на берегу реки, а на холме.

Среди шумного застолья Тагай вдруг затосковал. Он понимал, что собравшиеся на сход хотели помочь ему и толковали между собой именно об этом. Но так, будто резину тянули. Это было нестерпимым унижением для Тагая. Заломило, застучало в ушах...

Он встал, чтоб уйти. Но крикнул на него аксакал и заговорил не по-старчески звонким голосом, иносказательно и красиво, пересыпая речь пословицами и поговорками. Мудрый аксакал говорил: у джигита есть три родни — свои сородичи, они завистливы, родственники жены — придиричивы, но родственники по матери всегда милостивы.

— Так вот, — заключил аксакал, — мы должны подтвердить свое благородство. Вы- делим Тагаю мелкую живность.

Теребя сухими пальцами длинную, седую бороду, асакал обошел всех присутствующих и определил каждому налог. На том и разошлись.

Один за другим приводили родственники во двор старейшине по овце, и скоро собралось небольшое стадо. Сам же асакал подарил Тагаю темно-серого двухлетку.

— А где же камча? — спросил Тагай.

У старика камчи не оказалось, с ним была лишь длинная деревянная палка, чтоб отпугивать перепёлок, клюющих созревшее просо.

Тут только Тагай сообразил, что вопрос его был неуместен: ведь камча подается только в том случае, когда конь проигран в споре.

...Тагай, весело посвистывая, гнал на молодом, темно-сером коне маленькое стадо овец, как говорят степняки — "размером в созвездие". "Гонит пять козлов, а свистит на всю степь", — вспомнил он пословицу и счастливо засмеялся.

Возвращение Тагая со столь богатым подарком было полной неожиданностью для сородичей. И когда все собрались у Тагая, он рассказал притчу асакала, добавив от себя несколько язвительных слов, чтоб больнее уколоть своих родственников. Однако среди них нашелся один, который не преминул кольнуть в ответ:

— При чем тут родственники по матери? Бессовестный нищий бродяга у любого выклянчит милостыню!

А ведь и правда! Тагай не нашелся, что и ответить. Обидчик между тем хвастался, что пока Тагай побирался где-то, он собрал с полей дикое просо, переработал его и, пропустив через жернова, приготовил съедобную пищу.

— Могу угостить! — сказал он. — Вкуснота — аж слюнки потекут!

Тагай вспомнил юг, плов с морковной приправой.

— Разве может быть умным тот, у кого живот набит шелухой диких растений?! — не растерялся на этот раз и он.

5

Наступил год лошади, по казахскому календарю, обещающий людям благополучие.

Однажды жена говорит Тагаю:

— Поехал бы ты в степь, да поймал бы хоть филина! Раньше дома не сидел, словно мозоль на одном месте была, а теперь лежишь целые дни, как колода!

Тагай задумался. Поймать филина легче легкого. Погоняешь его верхом на лошади, и он, встревоженный, пролетит всего круга два — тут-то и хватай его прямо за ногу! Но на кой черт нужна эта лупоглазая птица? Правда, раньше ее перьями степные певцы украшали головной убор. Но ведь он-то, Тагай, не какой-нибудь певец чокнутый! И тут его

осенило: бедная жена! Она верит басням о том, что перья филина помогают бесплодной женщине зачать ребенка!

— Ладно,— сказал он,— будет тебе филин!

И поехал в степь.

Вернулся он с филином, посадил его на старый, потемневший от времени тугур¹ и долго любовался глазами птицы. Они огромны, томно-нежны, переливчаты, как у орла. "Нашел с кем сравнивать — с орлом! Ерунда какая-то!— подумал Тагай. А жена между тем достала из старого, потрескавшегося сундука саукеле, в котором выходила замуж за Тагаю, воткнула в него перья филина и пошла на зимовку, где жили ее свекровь и подружки, похвастаться. А те в глаза-то по- восхищались ее пышным головным убором, но потом вволю посмеялись, мол, захотела баба девкой обернуться!

6

Тоскливо Тагаю дома. Совсем одолели воспоминания об удалых годах, когда он беззаботно и беспечно странствовал по раздольным степям. А ночью, проезжая мимо аула, запевал песню, давая знать жене, мол, жив-здоров, вернусь, когда затоскую по тебе.

¹ Т у г у р — толстый шест, нрытый в землю, на который сажают ловчую птицу.

Не еидится Тагаю дома. "Я же не сыч, чтоб летать по ночам, а днем прятаться в гнезде!" Сел на коня и поехал проведать того самого охотника, который в год бедствий подарил ему капкан. Кроме того, Тагаю не терпелось высказаться кому-нибудь по поводу своих намерений еще раз попытать счастья в охоте.

Вот и холм, за которым живет капканщик. Тагай повернул к роще, чтоб дать ко- няге пощипать уже пожелтевшую, но все еще густую траву.

Осень стояла солнечная, теплая. Вечерело. Пока конь подкреплялся, Тагай ходил по роще, прислушиваясь к шелесту опавших листьев. Вдруг где-то вверху раздался приглушенный звук, похожий на свист... Пригляделся и увидел — над ним парила крупная сизая птица!

Это был орел, да такой огромный, что от взмаха его крыльев и раздавался тот звук, похожий на свист.

Птица полетела дальше, а Тагай зачарованно следил за ней. Вот она облетела рощу и, заметив человека, закружилась над ним.

Тагай непроизвольно крикнул:

— Эй, подцайся на приманку!

Этими словами он когда-то пацаном "колдовал" куропаток. И глупые птицы прилетали на зов. Так казалось им, ребятам. На самом деле куропатки просто не пугались

детских голосов и поэтому спокойно садились неподалеку. Тогда шла в ход короткая, упругая палка. Спрятавшись, малец-охотник прицеливался и подбивал ею доверчивых птиц.

О, Тагай хорошо помнит эти беззаботно-веселые детские забавы. Он улыбнулся вос- поминаниям..

А орел между тем, покружившись, сел на утес, который называли Соколиным. Подступала темнота. Тагай знал — орел ночью не летает, он будет сидеть и дремать на этом утесе, пока не забрезжит рассвет.

Тагай повернул в аул. Всю дорогу он думал, как заманить орла. Он-то знал, этот хищник клюнет на любую дичь. "Стало быть, и любимчик моей жены сгодится для приманки!" А до перьев филина, соблазвивших наивную женщину, ему, охотнику Тагаю, дела нет!

Приехав домой, он сделал из старой сети огромный круг и привязал к нему длинный шелковый шнур. Получилось нечто вроде капкана. Уж теперь-то он поймает орла, сидящего на Соколином утесе!

Никому из соседей Тагай не сказал ни слова о предстоящей охоте. Зачем зря болтать? Да и мало ли что может орел выкинуть? Может ведь и не клюнуть на филина. А может и сеть не сработать. Вот посмеются над ним аульчане, если вернется с пустыми руками! Поэтому лучше помолчать до поры.

У подножия Соколиного утеса под ветвистой ивой Тагай ждал рассвета. Недалеко от него круг из сети, а в нем — филин. Верх круга был открыт. От него тянулся шнур, конец которого охотник крепко держал в руках.

Ночь отступала. И, чем ярче светлело небо на востоке, тем сильнее разгорался в Тагае охотничий азарт. Он жаждал схватки, жаждал крови филина! Давно уж не испытывал он ничего подобного.

Наконец орел проснулся. Сейчас, если его не завлечь, улетит куда глаза глядят! Тагай торопливо разбудил дремавшего филина. Тот лениво зашевелился, и орел тут же почуял жертву. Он взлетел не спеша, покружил, прицелился и спокойно сел на свою жертву. Не мешкая, Тагай ловко дернул за конец шнура, хищник оказался в ловушке!

— Победа! — ликовал Тагай. Он побежал к сети.

Орел, отчаянно махая крыльями, кружил в ловушке, вихрем поднимая жалкие перья филина...

К полудню в юрту Тагая пришли аульчане. Они поздравляли его, хвалили за находчивость и смекалку. Польщенный Тагай совсем разошелся и не преминул слукавить:

— Желтый Дьявол, который улетел не- сколько лет назад, вернулся и сам сел на мою руку!

О чудо! Его шутка оказалась правдой! Однажды, сажая птицу на старый тугур, Тагай увидел на ее ноге кожаное кольцо, то самое, с которым улетел его Желтый Дьявол...

Радости Тагая не было конца.

7

Желтый Дьявол пребывал в том возрасте, когда орла называют "жана". Это самый зрелый период в жизни птицы. Впервые в ней пробуждается хищник, именно в этот момент надо приучать ее к охоте.

Первым делом Тагай зашил тонкой шелковой нитью веки орла, чтобы он забыл мир, свободу и стал послушным. "Ничего не поделаешь,— посочувствовал он своему питомцу. — Придется потерпеть". Через три дня он открыл веки орла и надел томагу — кожаный колпачок. Время от времени Тагай снимал колпачок и наблюдал за поведением хищника.

Наконец настал день, когда Желтый Дьявол стал послушным. Но этого было еще недостаточно, чтобы идти с орлом на охоту. Надо было еще натаскать его методом "ширга". Для этого Тагай надел на ногу Желтого Дьявола новое кожаное кольцо и прикрепил к нему длинный шелковый шнур, на этот раз покрепче да и понадежнее, и посадил орла на дерево. К другому дереву на рассто-

янии аркана была привязана лиса. Увидев лису, хищник стремглав бросился на нее. Первая удача? Потом вторая, третья? Число три — число надежное. Борец, как правило, борется трижды, только гюсле этого становится победителем или побежденным.

После столь успешной охоты на лису можно травить полевого зверя, решил Тагай.

Наступила осень. В один из еще заснеженных дней Тагай, взяв с собой несколько помощников, выехал на охоту.

Ехали стремя в стремя. Когда приблизились к высокому холму, разделились: Тагай с орлом направился к холму, а остальные, разбившись на две группы, пошли искать лису. Она обычно прячется среди камней, куда не ступают лошадиные копыта.

И вот с обеих сторон холма раздались крики, шум, гам: кто бил в кепчик — кожаную тарелку, кто кликал голосом, которым пугают архаров, кто играл на уране. Тревожный звук этого инструмента, похожего на трубу, особенно нравился Тагаю. В старину голос урана звал на бой с врагом. А сегодня им пугают хитрую лису.

Ошеломленная натиском диких звуков, из-под куста выскочила большая красная лисица. Тагай быстро снял томагу с орла, и тот, увидев зверя, широко расправил крылья и торжествующе закричал. Тагай запустил орла в небо, а сам поскакал вниз. Промчавшись

вихрем версты две-три, он увидел своего орла, крепко вцепившегося в голову лисицы. Охотник еле оторвал хищника от жертвы и отбросил, как это принято, "на расстояние палки". Желтый Дьявол сел на землю и обиженно смотрел на хозяина своими зеленовато-желтыми глазами. "Будет толк!—воскликнул Тагай. — Теперь-то тебе от меня не уйти!"

Лисица была огромная, черногривая, в красной шкуре. Тагай тщательно потрепал ее и отрезал лапку ниже щиколотки — подарок самому молодому охотнику. Тот с благодарностью принял подарок и как талисман привязал его к кончику своего шарфа.

Тагай радовался — вот и вернулись былые времена! Желтый Дьявол — надежный помошник, да и сам он охотник еще хоть куда! Аульчане не раз еще подивятся его удачливости. Так думал Тагай, возвращаясь со своими спутниками домой. Конь под ним часто фыркал, требуя ходу. Грудь его покрылась инеем, уши вспотели. В таких случаях, знает Тагай, нельзя отпускать коня пастись — можно испортить его желудок. Надо бы устроить ему разминку, а дома продержать голодным до рассвета.

Попрошавшись со спутниками, Тагай повернул к крайнему зимовью. Там жили родственники его жены — "придирчивые", как говорил аксакал. "Пусть придираются,— без-

злобно подумал он,— ничего, что мои свояченицы любят подшутить надо мной". Тагай припомнил, как, подсаживая его в седло, они обязательно потреплют полу его шекпена.

"Что ж, казах без шутки, без балагурства не обходится. Дай-ка, и я потешусь!" Он остановил коня посередине зимовья и громко крикнул:

— Эй вы, ленивые жатаки, небось вас клопы съели,— нет ни одной души на улице?!

И, хотя крик его был слышен во многих домах, на улицу выскочил лишь один. Это был сверстник Тагая из рода жены. Он не на шутку разозлился.

— Ты, видать, обнаглел! Или твердишь намаз[^] перед заходом солнца?

А Тагай совсем раззадорился и добавил еще пару колких слов, от которых сородич еще больше взъерепенился. В сердцах он схватил в руки вилы, вскочил на неоседланную лошадь и погнался за Тагаем. А Тагай, удирая от преследователя, время от времени оглядываясь назад, бросал дразнящий клич:

— Ка-ка-ка!

Видя, что погоня бесполезна, родич остановил свою лошадь и что-то крикнул вдогонку обидчику. Но Тагай его не слышал. Ведь ему всего-навсего нужно было дать сво-

І Н а м а з — молитва.

ему коню возможность размяться, что он и сделал!

Дома Тагай привязал взмыленного коня к столбу, отпустил подпругу, чтоб легче дышалось, и долго еще стоял рядом, держа на руках Желтого Дьявола.

8

Шли годы. Тагай изредка ездил на охоту, и Желтый Дьявол ни разу не дал осечки: без промаха бил красивых лисиц и корсаков. Он был безупречно предан своему хозяину. Но иногда в поведении орла Тагай замечал нечто странное: все чаще и чаще он остро всматривался в ту сторону, где в манящей дали виднелась Келиншектау.

Тагай встревожился. "Неужели, — думал он, — этот Дьявол до сих пор помнит родное гнездо и своих братьев?" Охотник знал, что орлята, став взрослыми хищниками, не покидают горы, в пустыне им скучно. Знал он и гордый нрав орла. Он живет триста лет и не умирает своей смертью, а, одряхлев, кончает жизнь самоубийством: набирает огромную высоту и бросается на камни. "Но, — думал Тагай, — Желтый Дьявол не должен мне изменить и улететь к своим диким братьям. Ведь он вскормлен моими руками и привык клевать не какое попало мясо, а до белизны промытое".

И все же Тагай решил не спускать с орла глаз. Он стал замечать, что Желтый Дьявол, так не похожий на презренного Черного Ворона, смотрел иногда на своего хозяина слишком уж дерзко. А иной раз в его переливчатых глазах Тагай видел то тоску, то грусть, а то и угрозу. Вдруг зачирикает пискливо, будто сдерживает стон, и тогда в его горле что-то булькает, а упругая грудь непомерно расширяется.

Все это видела и жена Тагая. Порою она любовалась красавцем орлом, но все чаще он вызывал у нее неясный страх. И однажды она сказала мужу:

— Случится так, что этот Желтый Дьявол обернется для тебя бедой...

Тагай встревожился. Он, как и всякий охотник, был немного суеверен и слова жены воспринял как дурное пророчество. "Ох уж эти бабы!— думал он. — Иногда они предсказывают беду, как те колдуны, что накрывают себе голову черным платком, смотрят на сухую кость и видят то, что происходит за сто верст".

Как мы знаем, Тагай любил при случае порассуждать. Вот и теперь, озабоченный поведением орла и предсказанием жены, он размышлял об охоте. "Охота, как горячее железо, имеет два конца, о которые можно обжечься",— думал Тагай. Например, печень лебедя лечит от многих болезней, однако в

него не стреляют, иначе охотник сам когда-нибудь погибнет от стрелы. Сын Джучи-хана погнался за куланом и был раздавлен его копытами — так дикий осел отомстил охотнику. Змея опутывает своим хвостом гнездо жаворонка, и тот, чтобы спасти своих птенцов, отдает себя в жертву.

От болтливых и хвастливых дружков-охотников Тагай наслушался в свое время всяких поверий о ловчих птицах. Рассказывали, будто в древние времена водилась огромная птица самрук. От вихря, который поднимали крылья птицы, вздымалась земля. Тагай не очень-то верил этому, но соглашался с другой версией, которая утверждала, что самрук постепенно мельчал, и в конце концов в наследство от некогда громадной птицы нам остались беркут и орел.

Потомком самрука Тагай считал и Желтого Дьявола. Он не сомневался, что его орел может затравить и волка. Хищнику с такой родословной это не в диковинку. Он помнил, что когда еще в детстве "колдовал" беспомощных куропаток, орлы с Келиншектау среди бела дня уносили в своих когтях ягненка, а то и целого барана.

А чем его орел хуже тех?

Тагай кстати вспомнил, что, говорят, будто между горами и барханами водится какой-то странный волк. О нем ходили самые невероятные слухи. В степи якобы незамет-

но подкрадывается к верблюду и тихонько начинает щекотать его в переднюю ногу, а когда тот сядет, волк вскакивает на него и грызет верблюду горб. По словам очевидца, этот же волк по ночам спускается в кошару, перегрызает горло овцам, а курдюки не трогает.

Волк настолько был хитер, что в ауле появлялся, лишь когда тот откочевывал и можно было не бояться преследования.

По слухам выходило, что этот волк очень коварен, мстителен и потому — опасен.

Обо всем этом Тагай знал, но свою задумку держал в тайне, не болтал попусту. Он терпеливо стал ждать, когда Желтый Дьявол окрепнет настолько, что станет непобедим и сможет взять неуловимого матерого волка.

И Тагай готовил орла к поединку.

Для начала он снял с его ног перчатки, чтоб когтям было просторно, затем посадил на лед, уложенный тальником, чтоб птица избавилась от ненужного жира. Через некоторое время, сняв орла со льда, пощупал среднюю часть ноги. Она была крепкой и упругой. Потом провел пальцем по груди, где, по его мнению, был лишний жирок, и дал орлу проглотить закопченную кошму размером с просяное зернышко, чтобы он этот жирок сбросил. Проглотив кошму, орел встрепенулся, глаза его расширились, он часто замигал и зачирикал звонко и чисто.

Желтый Дьявол был в ударе!

Тагай решил, что час болевой охоты настал...

Ехал он все по той же неровной, бугристой степи. В полдень она излучала бледно-желтоватый свет, и от этого зрелища чувство восторга захлестывало Тагаю волной. Он тихо, чтоб не спугнуть вековую тишину, запел старинную песню об охотничьем счастье.

Когда Тагай повторял припев "Еу, игей-ай, игей!", в унисон песне дергалась его остроконечная борода.

Долго он ехал по безлюдной степи. Орел был в колпачке, ничего и никого не видел вокруг и только крепко, словно клещами, сжимал руку Тагаю. Силу его когтей охотник чувствовал даже через кожаный рукав.

Он объехал всю степь, где якобы водился пресловутый волчище, но не только волка — никакой живности, кроме галок да ворон, не повстречал. "Что ж, видно, сегодня большой охоте не бывать", — решил Тагай и повернул коня назад. Под ним был тот самый, когда-то темно-серый двухлетка, которого несколько лет тому назад Тагаю подарил его сородич. "Лошадь быстрее седеет, чем человек", — подумал Тагай. Сколько же лет ныне белому коню? Это легко выяснить по зубам, которые вот сейчас жуют удила и, пожалуй, скажут, что конь еще не стар. Но больше

занимал Тагай вопрос — повстречается ли ему тот матерый волк? Он жаждал его увидеть, а волк так до сих пор и не появился. Тагай совсем повесил свой длиннющий нос и ехал молча, с непонятной томительной тоской в сердце. Он считал дурным знамением, что, кажется, впервые в жизни возвращается домой с пустыми руками.

И вдруг он увидел волка! Вернее, не волка, а его уши. Надо сказать, что уши волка и выручают и предают его одновременно. Они чутко слышат звук издалека, но именно их прежде всего видит охотник.

И Тагай увидел волчьи уши. Какое-то время они торчали неподвижно, но потом двинулись с места. Тагай увидел, как волк не спеша побежал, сторожко оглядываясь на ходу. А бежал не спеша, потому что не видел опасности. Умный волк не станет зря силы тратить.

Надо торопиться, пока волк не почуял орла. Тагай снял с орла томагу — пусть увидит зверя. Теперь-то он пожалел, что поехал один, без помощников. Придется надеяться только на себя. Громко крикнув, Тагай подбросил Желтого Дьявола в воздух. Орел стремглав полетел, набирая высоту. А матерый волчище уже успел скрыться в густых зарослях шенгеля. Об эти заросли может разбиться любая хищная птица.

Тагай поправил на голове тымак из лисьего меха с желтым вельветовым верхом и пустил коня в сторону зарослей шенгеля.

Вдруг в небе раздался громкий крик, похожий, если судить по легендам, на крик древнего самрука.

Тагай посмотрел в ясное синее небо и увидел черную точку, которая стремительно приближалась! И не успел он опомниться, как черная точка превратилась в Желтого Дьявола. Орел мчался прямо на него! Желтый Дьявол со всего маху ударил Тагая и замертво упал рядом.

Головки сапог всадника застряли в стремянах, а сам он безжизненно свесился с седла...

Погиб Тагай, погиб и его хищный чародей.

Что же произошло, как могла случиться эта трагедия?

Оказывается, чересчур возбужденный предстоящей охотой, орел с высоты полета принял желтый тымак Тагая за лисицу и бросился на него. Хозяина он не разглядел, да если бы и распознал, все равно не смог бы удержать свой стремительный полет.

Белый конь понял все и поплелся в аул. Он шел медленно, изредка кивая на ходу сухощавой головой.

Он ткнулся мордой прямо в юрту хозяина и жалобно заржал.

Жена Тагая, увидев страшное зрелище, в ужасе запричитала:

— Ойбай-ой! Ойбай-ой!!!

Плохая весть летит быстрее, чем весть добрая, и скоро юрта Тагая была полна народом. Жена погибшего, как того требовал обряд, исцарапала себе все лицо.

Эти царапины напоминали следы орлиных когтей...

Потом она, правда, сожалела, что так изуродовала себя. Но утешалась тем, что не было бы конца пересудам родственников и всяких кумушек — вот, мол, не дорог был, видать, ей муж, раз пошла против традиций. И так камень лежал на ее сердце, ведь она сказала когда-то Тагаю: "Случится так, что этот Желтый Дьявол обернется для тебя бедой..."

1976 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Черногривая волчица.....	3
Охотник и орел	30

Серия "Библиотека казахской прозы"
Такен АЛИМКУЛОВ
ЧЕРНОГРИВАЯ ВОЛЧИЦА